

Повести и рассказы // Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1956
FB2: , 19.07.2010, version 1.0
UUID: FBD-66D5CB-DC31-F64E-64A3-51DB-26A9-18F0EC
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Викентий Викентьевич Вересаев

Состязание

**Викентий Викентьевич
Вересаев**

Состязание

И Когда состязание было объявлено, никто в городе не сомневался, что выполнить задачу способен только Дважды-Венчанный — на весь мир прославленный художник, гордость города. И только сам он чувствовал в душе не-который страх: он знал силу молодого Единорога, своего ученика.

Глашатаи ходили по городу и привычно зычными го-лосами возвещали на перекрестках состоявшееся поста-новление народного собрания: назначить состязание на картину, изображающую красоту женщины; картина эта, огромных размеров, будет водружена в центральной нише портика на площади Красоты, чтоб каждый проходящий издалека мог видеть картину и неустанно славить творца за данную им миру радость.

Ровно через год, в месяц винограда, картины должны быть выставлены на всенародный суд. Чья картина ока-жется достойною украсить собою лучшую площадь великого города, тот будет награжден щедрее, чем когда-то награждали цари: тройной лавровый венок украсит его голову, и будет победителю

имя — Трижды-Венчанный.

Так выкликали глашатаи на перекрестках и рынках города, а Дважды-Венчанный, в дорожной шляпе и с котомкою за плечами, с кизилевою палкою в руке и с золотом в поясе, уже выходил из города. Седая борода его шевелилась под ветром, большие, всегда тоскующие глаза смотрели вверх, в горы, куда поднималась меж вино-градников каменная дорога.

Он шел искать по миру высшую Красоту, запечатленную творцом в женском образе.

У хижины за плетнем чернокудрый юноша рубил секирою хворост на обрубке граба. Он увидел путника, выпрямился, откинул кудри с загорелого лица и радостно сверкнул зубами и белками глаз.

— Учитель, радуйся! — весело приветствовал он путника.

— Радуйся, сын мой! — отвечивал Дважды-Венчанный и узнал Единорога, любимого своего ученика.

— В далекий путь идешь ты, учитель. Шляпа у тебя на голове и котомка за плечами, и сандалии у тебя из тяжелой буйволово-й ко-

жи. Куда идешь ты? Зайди под мой кров, отец мой, осушим с тобою по кружке доброго вина, чтоб мне пожелать тебе счастливой дороги.

И с большою поспешностью ответил Дважды-Венчанный:

— Охотно, сын мой!

Единорог с размаху всадил блестящую секиру в обрубок и крикнул, ликуя:

— Зорька! Скорее сюда! Неси нам лучшего вина, сыру, винограду!.. Великая радость нисходит на дом наш: учитель мой идет ко мне!

Они сели перед хижиною, в тени виноградных лоз, свешивавших над их головами черные свои гроздья. С робким благоговением поглядывая на великого, Зорька поставила на стол кувшин с вином, деревянные тарелки с сыром, виноградом и хлебом.

И спросил Единорог:

— Куда собрался ты, учитель?

Дважды-Венчанный поставил кружку и удивленно поглядел на него.

— Разве ты не слышал, о чем третий день кричат глашатаи на площадях и перекрестках города?

— Слышал.

— И... думаешь выступить на состязании?

— Да, учитель. Знаю, что придется бороться с тобою, но такая борьба не может быть тебе обидна. Знаю, что трудна будет борьба, но не художник тот, кто бы испугался ее.

— Я так и думал. Знаю и я, что борьба предстоит трудная и победить тебя будет нелегко. Когда же идешь ты в путь?

— Куда?

— Как куда? Искать ту высшую Красоту, которая где-нибудь да должна же быть. Отыскивать ее, в кого бы она ни была вложена — в гордую ли царевну, в дикую ли па-стушку, в смелую ли рыбачку, или в тихую дочь вино-градаря.

Единорог беззаботно усмехнулся.

— Я уж нашел ее.

Сердце Дважды-Венчанного забилось медленными, сильными толчками, груди стало мало воздуха, а седая голова задрожала. Он осторожно спросил, не надеясь получить правдивого ответа:

— Где же ты нашел ее?

— А вот она!

И Единорог указал на Зорьку, свою возлюб-

ленную. Взгляд его был прям, и в нем не было лукавства.

Дважды-Венчанный в изумлении смотрел на него.

— Она?

— Ну да!

Голова старика перестала дрожать, и сердце забилося ровно. И заговорило в нем чувство учителя.

— Сын мой! Твоя возлюбленная мила, я не спору. Счастлив тот, чью шею обнимают эти стройные золоти-стые руки, к чьей груди прижимается эта прелестная грудь. Но, подумай, та ли эта красота, которая должна повергнуть перед собою мир.

— Да, именно та самая. Нет в мире и не может быть красоты выше красоты золотой моей Зорьки, — восторжен-но сказал Единорог.

И взяло на минуту сомнение Дважды-Венчанного: не обманул ли его опытный его глаз, не просмотрел ли он чего в этой девушке, потупленно стоявшей в горячей тени виноградных лоз? Осторожно и испытующе он оглядел ее. Обыкновеннейшая девушка, каких везде можно встретить десятки. Широкое лицо,

немножко косо прорезанные глаза, немножко редко поставленные зубы. Глаза милые, большие, но и в них ничего особенного... Как слепы влюбленные!

В груди учителя забился ликующий смех, но лицо осталось серьезным. Он встал и, пряча лукавство, сказал:

— Может быть, ты и прав. Блажен ты, что так близко нашел то, что мне предстоит искать так далеко и долго... Радуйся! И ты радуйся, счастливая меж дев!

Когда Дважды-Венчанный вышел на дорогу, он вздохнул облегченно и успокоенно: единственный опасный соперник сам, в любовном своем ослеплении, устранил себя с его пути. Спина старика выпрямилась, и, сокращая путь, он бодро зашагал в гору по белым камням русла высохшего горного ручья.

II

Дважды-Венчанный переходил из города в город, из деревни в деревню, переплывал с острова на остров. Не зная усталости, искал он деву, в которую природа вложила лучшую

свою красоту. Он искал в виноградниках и рыбачьих хижинах, в храмах и на базарах, в виллах знатных господ, в дворцах восточных царей. Славное имя его открывало перед ним все двери, делало его повсюду желанным гостем. Но нигде не находил он той, которую искал.

Однажды, в месяц ветров, за морем, он увидел у городских ворот едущую на мулах восточную царевну и остановился и с минуту жадно смотрел на ее сверкающую красоту.

И подумал в колебании:

«Может быть, она?»

Но сейчас же преодолел себя, отвернулся и решительно зашагал дальше.

— *Может быть?* Значит, не она... Истинная красота, как светляк, — сказал он себе. — Когда ночью ищешь в лесу светляков, часто бывает: вдруг остановишься — «Стой! Кажется, светляк!» Кажется?.. Не останавливайся, иди дальше. Это белеет в темноте камушек или цветок анемона, это клочок лунного света упал в чащу на увядший листок. Когда ясным своим светом, пронзая темноту, засветится светляк, — тогда не спрашиваешь себя,

тогда прямо и уверенно говоришь: это он!

Месяц шел за месяцем. Отшумели на море равноден-ственные бури, осыпались листья с дубов. Все ниже стало ходить солнце, все глубже заглядывать в окна хижин. Туманные тени поползли по волнам остывающего моря. Горы надели на головы белые шапки, ледяной ветер гнал по долинам сухой, шуршащий снег. И опять солнце стало ходить выше. Перед утреннею зарею выбегал из-за гор небесный Стрелец и целился стрелой в изогнутую спину сверкающего Скорпиона. Больше пригревало теплом.

А Дважды-Венчаный странствовал.

Был месяц фиалок. Путник расположился, на ночлег на песчаном берегу бухты. Отпил из фляги вина, перекусил куском черствого ячменного хлеба с овечьим сыром, сделал себе ложе: нагреб для изголовья возвышение из морского песка, разостлал волосяной свой плащ и склонился на ложе головою.

В теле была усталость, в душе — отчаяние. Никогда, никогда, казалось ему, не найдет он того, чего ищет. Не найдет, потому что не способен найти.

С полуденной стороны, от гор, дул теплый ветер, и весь он был пропитан запахом фиалок. Там, на горных перевалах, лесные поляны покрыты сплошными коврами фиалок. Сегодня вечером он шел тропинкою по этим перевалам и любовался всем, что кругом, и вдыхал целомудренныи запахи ранней весны. А теперь, когда сумерки одели горы, когда в теплом ветре издалека несся запах фиалок, ему казалось: там все прекраснее, таинственнее и глубже, чем он сумел увидеть вблизи. А пойдет туда, — и опять красота отодвинется, и опять будет хорошо, но не то... Что же это за колдовство в мировой красоте, что она вечно ускользает от человека, вечно недоступна и непостижима и не укладывается целиком ни в какие формы природы?

Оглянулся Дважды-Венчанный на все, что сотворил за свою жизнь, что сделало его славным на весь мир, и припал лицом к изголовью. Противно стало ему и стыдно за неумелые его намеки на то великое и непостигаемое, что носилось перед его тоскующими глазами и чего ни-когда он не смог воплотить в формы и краски.

Так он и заснул, уткнувшись лицом в жесткий свой плащ. С гор все дул теплый ветер, пропитанный запахом фиалок, и вздыхало вдоль берега вечно тоскующее, не знающее спокойствия море.

Когда Дважды-Венчанный проснулся, над морем занималась зеленовато-золотистая заря. Горы, кусты, колючая трава на берегу стояли в ровном сумеречном свете, — мягко светящиеся, объединенные; свет обнимался с тенью. Потом запылал над морем огромный, яркий костер, без дыма и чада, медленно вылетело из него солнце и ударило лучами по земле. И отшатнулся свет от тени, и разъединились они. Ярче стал свет, чернее тень.

Дважды-Вечанный взглянул на мрачные, утонувшие в тени горы. Взглянул — и вскочил на ноги быстро, как юноша. С предгорного холма, залитая лучами солнца, спускалась стройная дева в венке из фиалок. И сотряслась душа художника до самых глубин, и сразу, без колебаний, без вопросов, с ликованием воскликнула душа:

— Это — она!

Дважды-Венчанный упал на колени и в

молитвенном восторге простер руки к светозарной деве.

III

Настал месяц винограда. Площадь Красоты, как море, шумела народом. В глубине площади возвышались два огромных, одинаковой величины, прямоугольника, завешенных полотном. Возле одного стоял Дважды-Венчан-ный, возле другого — Единорог. Толпа с обожанием смотрела на уверенное, сурово-спокойное лицо Дважды-Венчанного и посмеивалась, глядя на бледное под загаром лицо красавца Единорога.

Граждане кричали:

— Единорог! Беги со своею мазнею, не срамись.

Единорог в ответ встряхивал курчавыми волосами и вызывающе усмехался, сверкая зубами.

Старец в пурпуровом плаще и с золотым обручем на голове ударил палочкой из слоновой кости по серебряному колоколу.

Все притихли. Старец простер палочку к

картине Дважды-Венчанного. Полотно скользнуло вниз.

Высоко над толпою стояла спускающаяся с высоты, озаренная восходящим солнцем дева в венке из фиалок. За нею громоздились темносерые выступы суровых гор, еще не тронутых солнцем. По толпе пронесся гул, и вдруг стало на площади тихо, как знойным полднем в горном лесу.

Божественно-спокойная, стояла дева и смотрела на толпу большими глазами, ясными, как утреннее небо после ночной грозы. Никто никогда еще не видал в мире такой красоты. Она слепила взгляд, хотелось прикрыть глаза, как от солнца, только что вышедшего из моря. Но падала рука, не дошедши до глаз, потому что не могли глаза оторваться от созерцания. А когда отрывались и смотрели по сторонам, было с ними, как после взгляда на солнце, только что вышедшее из моря: все вокруг казалось темным и смутным. Тело, какого еще не обнимала ни одна мужская рука, сквозило сквозь легкую ткань. Но не было вожделения. Было только молитвенное склонение и блаженная, нездешняя

печаль.

Темные горы были за девой, и темно стало кругом на площади. Девы и жены пристыженно отвращали лица в сторону, а юноши и мужи глядели на Фиалковенчанную, переносили взгляд на своих возлюбленных и спрашивали себя: что же нравилось им в этих нескладных телах и обыденных лицах, в этих глазах, тусклых, как коптящий ночник?

Старый погонщик мулов, с брюзгливым лицом и ще-тиною на подбородке, искоса оглядывал свою старуху; была она жирная, с отвислым подбородком и огромною грудью, с лицом, красным от кухонного чада. Взглянул он опять на Фиалковенчанную и опять на жену. Больно ущемила тоска по красоте его жесткое, как подошва, сердце, и страшно стало ему, с кем суждено проводить ему его трудную, серую жизнь.

Долго стояли люди в благоговейном молчании, и смотрели, и что-то шептали. И всеобщий вздох священной, великой тоски пронесся над толпою.

Старец в красном плаще стряхнул с себя очарование и встал. Было лицо его строго и

торжественно. С усилием, как бы свершая вынужденное кощунство, протянул он палочку ко второй картине.

IV

Покров упал.

Ропот недоумения и негодования прошел по площади. На скамье, охватив колено руками, подавшись лицом вперед, сидела и смотрела на толпу — Зорька! Люди не верили глазам и не верили, чтоб до такой наглости мог дойти Единорог. Да, Зорька! Та самая Зорька, что по утрам возвращается с рынка, неся в корзине полдюжина кефалей, пучки чесноку и петрушки; та самая Зорька, что мотыжит за городом свой виноградник и по вечерам доит на дворике коз. Сидит, охватив колено руками, и смотрит на толпу. За нею — полуоблупившаяся стена хижины и косяк двери, над головою — виноградные листья, красные по краям, меж них — тяжелые, сизые гроздья, а вокруг нее — горячая, напоенная солнцем тень. И все. И была она на картине такая же большая, локтей в двадцать, как и божествен-

ная дева на соседней картине.

— Хоть с гору величиной нарисуй, лучше не станет! — крикнул озорной голос.

И все засмеялись. Раздался свист, шип. Кто-то за-вопил:

— Камнями его!

И другие подхватили:

— Побить камнями!

Но вот шум начал понемногу затихать. Кричащие и хохочущие рты сомкнулись, поднятые с камнями руки опустились. И вдруг стало тихо. Так иногда неожиданно налетит с гор ветер, — завоюет, завьется, поднимет к небу уличную пыль — и вдруг упадет, как в землю уйдет.

Люди смотрели на Зорьку, и Зорька смотрела на них. Один юноша в недоумении пожал плечами и сказал дру-гому:

— А знаешь, я до сих пор не замечал, что Зорька так прелестна. Ты не находишь?

И другой ответил задумчиво:

— Странно, но так. Глаз не могу оторвать.

Высоко подняв брови, как будто прислушиваясь к че-му-то, Зорька смотрела перед собою. Чуть заметная сча-стливая улыбка за-

мерла на губах, в глазах был стыдливый испуг и блаженное недоумение перед встающим огромным счастьем. Она противилась, упиралась и, одна-ко, вся устремилась вперед в радостном, неодолимом порыве. И вся светилась изнутри. Как будто кто-то, втайне давно любимый, неожиданно наклонился к ней и ти-хо-тихо прошептал:

— Зорька! Люблю!

Люди молчали и смотрели. Они забыли, что это — та самая Зорька, которая носит в корзине тускло поблескивающую рыбу и серебряные пучки чесноку, не замечали, что лицо ее несколько широко, а глаза поставлены немного косо. Казалось, будь она безобразна, как дочь кочевника, с приплюснутым носом и глазами, как щелки, — само безобразие, освещенное изнутри этим чудесным светом, претворилось бы в красоту небывалую.

Как будто солнце вошло высоко над площадью. Радостный, греющий свет лился от картины и озарял все кругом. Вспомнились каждому лучшие минуты его любви. Тем же светом, что сиял в Зорьке, светилось вдруг преобразившееся лицо его возлюбленной в

часы тайных встреч, в часы первых чистых и робких ласк, когда неожиданно выходит на свет и широко распускается глубоко скрытая, вечная, покоряющая красота, заложенная творцом во всякую без исключения женщину.

Прояснилось лицо старого брюзги-погонщика, взглянул он на свою старуху, и улыбнулся, и толкнул ее сухим локтем в жирный бок.

— А помнишь, старуха... Гы-гы!.. У водопоя-то? Ты поила коз, а я перепрыгнул через плетень... Молодой месяц стоял над горой, цвели дикие сливы...

И, застенчиво улыбнувшись, взглянули на него с оплывшего, багрового лица знакомые, милые, давно забытые глаза, и осветилось это лицо отблеском того вечного света, который шел от Зорьки. Погонщик хихикал и грязною рукою вытирал слезы на гноящихся своих глазах. И казалось ему, — не умел он ценить того, что у него было, и по собственной вине сделал свою жизнь серою и безрадостною.

Это был он, который первым крикнул на всю площадь:

— Да будет Единорог Трижды-Венчанным!

1919